

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Analiz perevoda na pol'skij âzyk vybrannyh fragmentov romana "Očered"
Vladimira Sorokina

Author: Âkub Bober

Citation style: Bober Âkub. (2020). Analiz perevoda na pol'skij âzyk vybrannyh fragmentov romana "Očered"
Vladimira Sorokina. W: D. Adamczyk, Ł. Gęborek, M. Małek, W. Szota (red.), "Konfrontacje z przekładem" (S. 17-29). Katowice : Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Якуб Бобер
Силезский университет в Катовице

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК ВЫБРАННЫХ ФРАГМЕНТОВ РОМАНА *ОЧЕРЕДЬ* ВЛАДИМИРА СОРОКИНА

Владимир Сорокин – это одна из наиболее знаменитых личностей русского концептуализма. Он известен, прежде всего, революцией в литературе, и является писателем, который бросил немалый вызов переводчикам во всём мире, ожидая от них такого же подхода к реальности в языке перевода. Сорокин вызвал своими произведениями огромные споры, «спаривая» своих героев, убивая и высмеивая всё вокруг.

Следует обратить внимание на то, что упомянутое произведение полностью лишено нарратива, нет в нем описаний действительности, окружающей героев, а действие заменено диалогом, составляющим единую форму образа. Одновременно Сорокин предпринимает некий эксперимент. Нарратив здесь не нужен, так как естественный и выразительный язык героев становится средством влияния на воображение читателя.

«Очередь» добилась международного успеха, невозможно вычеркнуть ее из истории русской литературы (многим Владимир Сорокин не нравится до такой степени, что лучше для них, если бы вообще не было никакого Сорокина, тем более его творчества). Сами россияне могли бы принять произведения одобрением. Критический подход тут связан со своеобразным и решительным обновлением языка героев. Автор забрасывает читателя элементами фиктивного мира, но вся история опирается на реалии тогдашней действительности восьмидесятых годов. Высказывания персонажей назначены аутентичностью. С одной стороны, они насыщены идиолектами, фразеологизированными конструкциями и нецензурной лексикой, но

с другой их безыскусственность и простота могут, на первый взгляд, показаться несложными для перевода на другой язык. «Очередь» с момента своего появления в литературном пространстве делит россиян. У каждого писателя есть свои поклонники и противники, но не у каждого столько врагов, сколько у Сорокина. Не случилось в истории литературы, чтобы из-за смелого содержания, выраженного языковой авангардной смесью, чьи-то произведения спускали в туалете, а именно так было в случае Сорокина¹.

Люди ждут в очереди, двигаются вперед и постепенно толкают весь сюжет. Читая роман, можно заметить несколько мотивов. Среди достаточно большой группы персонажей (читателю известны только их имена), ведется разговор на разные темы и задаются вопросы. Звучат названия предметов, но трудно разобраться, каких конкретно. Лишь потом оказывается, что речь идет об одежде и электронике, то есть дефицитных товарах.

В процессе анализа перевода этого нетипичного и оригинального сочинения на первый план выдвигаются сложные для перевода элементы. По нашему мнению, они играют ключевую роль в исходном тексте. Помещение диалога в рамках целевого языка, как единственной формы представления реальности в «Очереди», является непростым заданием, так как разговоры героев романа содержат много элементов, восходящих к языковым реалиям конкретной эпохи – идиолекты, сленг, словосочетания, а также существенное местоположение нецензурных слов. Все это составляет обдуманное целое. Если в процессе перевода пропустить или нейтрализовать композиционно-текстовые показатели, роман в новой языковой версии не сможет передать замысел автора.

Учитывая вышеприведенную нами характеристику *Очереди*, переводчик должен не только приспособить языковые элементы к культурным и социальным условиям своей страны, но также сохранить подлинный смысл. Это наводит на мысль один вопрос: удалось ли переводчику преодолеть этот вызов?

¹М. Кучерская: *Ледовый поход против мясных машин. У Владимира Сорокина новый роман с романом*, «Российская газета – Федеральный выпуск», № 0(3584), <https://rg.ru/2004/09/22/sorokin.html> [доступ: 05.05.2020].

Очередной вопрос – это персонажи. Как мы уже вспомнили, здесь нет главных участников. Читатель знакомится с героями в момент, когда они выдают свои имена, других идентифицирует по способу высказываний. Например, среди них появляются Лена и Вадим, которые знакомятся в очереди и разговаривают. Их короткое знакомство позволяет заметить, что Лена – это молодая девушка, Вадим немного старше ее. Он выпускник высшего учебного заведения, а она еще учится. Вокруг них кружит мир очереди. С перспективы всего произведения, можно сказать, что остальные диалоги ждут своего момента.

Самый главный вопрос – это актуальность романа. Оригинальное сочинение всегда будет представлять оттенок какой-то конкретной эпохи, будет напоминать ее реальность, в какой оно возникло и которую описывает. Сорокин построил сюжет обсуждаемой книги в советское время, выдвигая наружу все, что интересно с лингвистической точки зрения. Слова, которые раньше не употреблялись в литературе или употреблялись в небольшой степени, стали художественными приемами у писателей и переводчиков.

Сюжет романа можно понимать как изложение жизни граждан советской России, что связано с атмосферой всеохватывающей рутины. Когда герои начинают шутить и рассказывать истории с применением разговорной и нецензурной лексики, переводчик должен пользоваться соответствующими техниками, чтобы создать произведение, которое заинтересует читателя переведенного текста. Успех романа в других странах доказывает, что возможности перевода «Очереди» очень широки, а другой язык не препятствует тому, чтобы понять ее смысл.

Анализируя единственный на данный момент перевод *Очереди* на польский язык, выполненный Иреной Левандовской, возникает несколько вопросов: что конкретно искать в сопоставлении русского оригинала с польским переводом? Есть ли в переводе то, что имеет существенное значение? Передаёт ли перевод ключевой смысл?

Итак, начнём со следующего диалога:

- Ну, скажите, не вредничайте.
- Нет.
- Ну, скажите, пожалуйста.

- *Hu, a зачем вам?*
- *Hu, что вам жалко, что ли?*² (с. 10)
- *No, niech pani powie...*
- *Niee.*
- *A ja proszę.*
- *A na co to panu?*
- *No co pani szkodzi?*³ (с. 6)

Все в романе, как мы уже заметили, является разговором, но в отличие от диалогов, приспособленных к их литературному смыслу, вышеупомянутый фрагмент вполне естественен. Можно даже сказать, что он напоминает отчет, записанный журналистом, который слушает и наблюдает за происходящим в очереди. Здесь стоит обратить внимание на характерную для устной передачи частицу *ну*. Для Сорокина этот языковой элемент не только украшение, а также ключевое слово и преднамеренный стилистический прием.

Замысел автора не нашел отражения в переводе, хотя польский язык дает такую возможность. В польской версии эквивалент *no* был применен только в одном предложении. Предполагая, что переводчик поступил бы аналогично, как Сорокин, результат был бы следующим:

- *No, niech pani powie...*
- *No nie powiem.*
- *No ale ja proszę.*
- *No dobra, a po co to panu?*
- *No, a co pani szkodzi?*

Оказывается, что упомянутая частица могла бы заменить русский аналог. Проблемой остается вопрос: смогла ли бы она заполнить предназначенные для нее места в польском языке? Переводчик не обратил внимание на ее роль в исходном языке и в результате не сохранил в языке перевода. Частица *ну* играет в этом фрагменте определенную задачу, автор использует ее для создания

² В. СОРОКИН: *Очередь*. Париж 1985. Далее все цитаты из книги приводятся по этому изданию.

³ W. SOROKIN: *Kolejka*. Gdańsk 2005. Далее все цитаты из книги приводятся по этому изданию.

атмосферы языковой игры, так как она является постоянным элементом разговорной речи. Но можно найти другую лексему в языке перевода, которая сохранит идею автора. Можно применить слово „niechże” (niechże pani powie... niechże pan przestanie... итд.)

Каждый литературный эксперимент должен поощрять переводчика вести игру с подлинным текстом. Такое поощрение участия в своеобразной игре можно найти именно в произведениях Сорокина, что показывает следующий пример:

– Ух ты, тяжелая какая! Как вы несли такую?

– Так и несла.

– А что здесь – гантели?

– Книги. (с. 11)

– Och, jaka ciężka! jak pani ją niosta?

– Jakoś niostałam.

– Co tam jest w środku – ołów?

– Książki. (с. 11)

Ответом польского переводчика на русское *гантели* стал *ołów*, то есть *свинец* и здесь наблюдается ничто другое как языковая калька. Слово *ołów* выполнило свою задачу не полностью, потому что в польской действительности, особенно в разговоре, *ołów* как определение тяжести не используется. В таком случае в польском языке чаще всего говорим о кирпичях. Тогда диалог принял бы следующую форму:

– Och, jaka ciężka! jak pani ją niosta?

– Jakoś niostałam.

– Co ma pani w tej torbie, cegły?

– Ta, od razu cegły. Książki.

Кирпичи довольно часто появляются в польском языке как номинация, определяющая женские сумки. «Пустая сумка – это около 500-700 граммов. Полная – как правило 2,5 до 3 килограмм. Это, как будто, ты носила с собой *кирпич!*; что еще женщина носит обычно

в сумке? Мужчины насмеяются над женщинами, что в их сумках можно найти все – даже *кирпичи*»⁴.

В других диалогах можно заметить лексемы, являющиеся средствами выражения экспрессии, среди прочего, в форме восклицаний. Одно из них – *фу*, которое в польском переводе осталось как *fu*. Это вызывает некие споры, потому что в таком виде оно нарушает аутентичность и соответствие первоисточника. Такое слово существует в польском языке, однако более приемлемым эквивалентом, как правило, является *fuj*. В связи с этим употребление *fu* можно считать не очень удачным переводческим решением:

- Ффуу... что... что такое...
- Дядь! Дядь!
- Чего... чего такое... что...
- Дядь!
- Ну чего тебе?
- Вы это... встаньте, пожалуйста. А то там это...
- Что это?... фу... (с.164)
- Oj, kurwa... fuuu...
- Proszę pana. Proszę pana... proszę pana!
- Ffuuu... co... co się stało...
- Proszę pana!
- Czego... czego... co...
- Proszę pana! Proszę pana!
- No, czego chcesz?
- Niech... niech pan wstanie, dobrze? Bo on tam leży...
- Kto leży?... fu... (с. 147)

Вышеприведенный пример показал, что польский перевод начинается с вульгаризма, хотя в подлиннике его нет. Однако это не

⁴ „Pusta torba to około 500–700 gramów. Załadowana – przeciętnie 2,5 do 3 kilogramów. To tak, jakbyś *nosiła* przy sobie *cegłę!*; Co jeszcze przeciętna kobieta *nosi* w torebce? Mężczyźni naśmiewają się, że w kobiecej torebce można znaleźć wszystko – nawet *cegły*.” *Buty, rajstopy... Co jeszcze przeciętna kobieta nosi w torebce?* <https://archiwum.radiozet.pl/Rozrywka/O-tym-sie-mowi/Co-kobieta-ma-w-torebce-TOP-10-rzeczy-z-damskiej-torebki-RANKING-00009509> [доступ: 05.05.2020].

обозначает, что нельзя его употребить, но его появление в этом месте не решает проблемы раньше обсужденных деталей, то есть *фу*. Восклицание *fuj*, примененное вместо *fu*, тоже звучало бы неестественно, несмотря на то, что в польском языке так можно выразить отвращение. Возможно, переводчик пришел к выводу, что здесь диалог должен быть выражен более экспрессивно и поэтому применил нецензурную лексику, которая, может быть, подходит к данной ситуации: вдруг просыпается пьяный мужчина и не знает, что вокруг него происходит, можно даже сказать, он почему-то злится.

С другой стороны, есть более нейтральная лексема, подходящая к данной ситуации. В польской разговорной речи часто применяется в подобных случаях слово *tfu*. Оно не только выражает отвращение или презрение, но также имитирует плевок⁵. Применение такого приема в данном фрагменте можно бы считать удачной попыткой увеличения экспрессивности в языке перевода:

- *Jasna cholera... tfu...*
- *Proszę pana. Proszę pana... proszę pana!*
- *Tfu... czego... co się dzieje...*
- *Proszę pana!*
- *No co... czego... co...*
- *Proszę pana! Proszę pana!*
- *No, czego chcesz?*
- *Niech... niech pan wstanie, dobrze? Bo on tam leży..*
- *Kto leży?..tfu..*

Похожим примером может послужить предложение, в котором находится выражение *ux ты*. В польской версии оно звучит точно так же: *uch ty*. Этот пример, а также вышеприведенное *фу* можно признать языковой калькой, где обе лексемы совпадают с семантической точки зрения в обоих языках. В настоящее время можно было бы это считать русизмом, роль которого заключается в том, чтобы подчеркнуть место действия – Советский Союз. В некоторых фрагментах переводчик использовал другой эквивалент, вполне соответствующий польскому языку:

⁵ *Słownik współczesnego języka polskiego*, Т. 2. Warszawa 1998, с 425.

- *Ux ты, тяжелая какая! Как вы несли такую?*
- *Och, jaka ciężka! jak pani ją niosła?*

Зато в нижеследующем примере было использовано восклицание *och* в сочетании с местоимением. Само слово *och* определяет *Словарь современного польского языка* как восклицание, которое подчеркивает интенсивность выражаемого эмоционального состояния⁶. Оно также не находит своего отражения в сочетании с местоимением, в результате чего звучит неестественно.

- *Ой, насиделась, нога онемела...*
- *Идем, идем скорей...*
- *Ux ты, а тут тоже порядком народу...* (с.93)
- *Oj, nasiedziałam się, noga mi zdrętwiała...*
- *Chodźmy, chodźmy szybciej...*
- *Och ty, a tutaj też pełno ludzi...* (с.83)

В других же фрагментах, где в исходном языке автор употребил *ux ты*, переводчик перевел это выражение как *uch ты*:

- *Хороший чай?*
- *Хороший.*
- *Ux-ты... очередь какая...* (с.104)
- *Dobra herbata?*
- *Dobra*
- ***Uch ты, ale kolejka...*** (с.92)

В польском языке существуют и другие эквиваленты, которые могли бы передать такое значение, как, например, оборот *ożeż ty!* Необходимо тогда задать вопрос: можно ли два этих выражения приспособить к контексту?

- *Dobra herbata?*
- *Dobra*
- ***Ożeż ty! Ale kolejka...***

⁶ *Słownik współczesnego języka polskiego...*, с. 642.

Этот оборот – не единственное решение в подборе эквивалентов. Чтобы не употреблять его чрезмерно часто, можно применить близкое по значению словосочетание *a niech to*, которое в состоянии заполнить синтаксический пробел в языке перевода:

- *Chodźmy, chodźmy szybciej...*
- *A niech to! Tutaj też pełno ludzi...*
- *Dobra herbata?*
- *Dobra*
- *A niech to! Ale kolejka...*

Стоит обратить внимание на употребление в подлинном произведении словосочетания, которое считается неотъемлемым элементом исходного языка. Иллюстрацией такого повсеместного словосочетания в русском языке является выражение *не надо*. Первая возможность перевода, которая наводит на мысль какой-либо вариант – это *nie trzeba*. Отметим, что не в каждом случае можно применить этот вариант:

- *НЕ НАДО ПИХАТЬСЯ, ТОВАРИЩИ! ИНАЧЕ Я БУДУ ВЫВОДИТЬ!* (с. 25)

В польском переводе данное словосочетание звучит:

- *NIE ROZPYCHAĆ SIĘ, TOWARZYSZE! BO ZACZNĘ USUWAĆ Z KOLEJKI!* (с. 83)

Так же, как и здесь:

- *Да и красивее ткань намного.*
- *Володя, не надо бросаться.*
- *А кошка проворней тебя.* (с. 41)
- *I materiał znacznie ładniejszy.*
- *Wołodia nie rzucaj kamieniami.*
- *Kot jest sprytniejszy od ciebie.* (с. 41)

В этом случае замена словосочетания «не надо» повелительным наклонением оказалась удачным решением. Это предложение (*Володя, не надо бросаться*) не дает многих возможностей передачи. Однако в нижеследующем примере на русское *не надо*, переводчик отвечает следующим образом:

- Ты знаешь... наверно за последние пять лет это у меня самый чудесный вечер.
- Правда?
- Да...
- А почему?
- Потому что... потому что...
- Вадим... Вадим...
- Прелесть моя... очарование...
- Вадим... Вадим...
- пре... лость...
- ... Вадим... ну зачем... а...
-**Вадим... ну не надо...**
- очарование.....
-**не надо**.....
-
- Вадим.....
-
- Ну.....ну что..... ну.....
-
- Вот так, можно?
- Темно совсем..
- Ты прелесть... прелесть...
- Вадим... ну мы же совсем друг друга не знаем...
- прелесть... какая шейка у тебя...
- Вадим..... Вадим...
- Людочка.....
-
- как... хорошо с тобой.....
- Вадим...
-
- **Ну не надо**.....милый..... зачем...
-
- Вадик..... ааа...
-
- Мальчик мой..... **не надо**..... (с. 196)

- *Wiesz... od pięciu lat to chyba najcudowniejszy mój wieczór.*
- *Naprawdę?*
- *Tak.*
- *A dlaczego?*
- *Dlatego, że... dlatego że... Wadim... Wadim...*
- *Moja śliczna... czarująca...*
- *Wadim... Wadim...*
- *śli... czności...*
- *... Wadim... no po co... a... Wadim... no... **nie trzeba**...*
- *czarowna*
- ***nie trzeba**, Wadim....*
- *No no co no*
- *A tak mogę?*
- *Zupełnie ciemno...*
- *Jesteś cudowna... cudowna...*
- *Wadim... my się przecież prawie w ogóle nie znamy...*
- *śliczności... jaką masz szyjkę....*
- *Wadim Wadim*
- *Ludeczko... jak dobrze z tobą*
- *Wadim...*
- *No **nie trzeba** mój miły po co. Wadik aaa*
- *Mój chłopczyku **nie trzeba** (с. 177)*

Этот довольно длинный фрагмент показывает разницу между польским и русским языками в связи с употреблением пары эквивалентов *не надо* – *nie trzeba*. В польской версии данное словосочетание нарушает правила этой конструкции, потому что оно становится калькой и меняет значение высказанного. Примененная в польском языке форма *nie trzeba* должна намекать на положение, когда лучше не предпринимать никаких действий, потому что, как говорит героиня, никто не знает друг друга. Здесь имеем дело с очередным препятствием при переводе. Переводчику приходится найти подходящий эквивалент, который сохранит подлинное значение, пропуская, при этом, полностью словосочетание «не надо» путем лексико-семантической трансформации, например:

- *Wadim... no po co... a... Wadim... no... **nie, proszę**...*
- *czarowna*

- *Wadim proszę cię, przestań....*
- *Mój miły po co, co ty robisz? Wadik aaa*
- *Ty mój niegrzeczny chłopczyku*

Слишком частые повторения конструкции *не надо* могли бы убедить переводчика пропустить его в некоторых предложениях и заметить другим эквивалентом.

Рассматривая вопрос приведенных примеров в языке оригинала и их перевода, можно прийти к выводу о том, что польская версия отражает то, что существенно в исходном тексте, но из-за обсужденных мелких деталей нарушает его восприятие. В польском переводе *Очереди* не были учтены все подстандартные явления, наличие которых указывает на разговорную речь, а возможности польского языка не были использованы в полной мере. Именно эти подстандартные явления в виде разговорной лексики и иногда нецензурных выражений приводят читателя в шоковое состояние, но прежде всего, произведение звучит естественно. В польском переводе не хватает таких же естественных языковых элементов в приведенных фрагментах. Анализ даже нескольких фрагментов показывает, что в языке перевода можно применить соответствующие средства, позволяющие сохранить аналогичные функции этих явлений. Очередь со своими богатыми диалогами должна провоцировать, вызывать эмоции и даже шокировать. Польский перевод, конечно, содержит те элементы оригинала, которые, все-таки, позволяют воспринимать этот роман как провокацию, однако анализируемые детали модифицируют это восприятие. Произведение, которое вызвало столько споров в России, сильно поляризуя читателей, не должно терять свою силу воздействия в другом языковом пространстве.

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony problemom przekładu wybranych zjawisk językowych w „Kolejce” Władimira Sorokina. Przedmiotem analizy stały się przede wszystkim zjawiska podstandardowe oraz nietradycyjne środki stylistyczne, wykorzystane w dużym stopniu przez autora. Analizę wybranych fragmentów można potraktować jako próbę odpowiedzi na pytanie, w jakim

stopniu tłumaczowi udało się zachować i przekazać ich sens oraz dopasować do realiów języka docelowego.

Резюме

Статья посвящена проблемам перевода выбранных языковых явлений в *Очереди* Владимира Сорокина. Предметом анализа являются прежде всего подстандартные языковые явления и нетрадиционные стилистические средства, часто употребляемые автором. Приведенные фрагменты романа и их анализ – это попытка ответа на вопрос, в какой степени переводчику удалось сохранить смысл приведенных языковых явлений в языке перевода.

Summary

The article puts forward the translation issues of the linguistic phenomenon in Vladimir Sorokin's novel *The Queue*. It analyzes the non-standard phenomena which constitute a big challenge for the translator. The reasons behind this state of affairs should be sought within a selection of unconventional means of expression which revolutionized the perception of literature and its translation. Some excerpts of the novel are an attempt to provide an answer as to what degree the translator has managed to successfully portray the novel's connotation in Polish with analogical linguistic measures.